

Вениамин Лившиц: «Надо просто правильно считать»

Мы берем интервью у ведущего эксперта страны в области оценки инвестиционных проектов Вениамина Наумовича Лившица.

Вениамин Наумович – кандидат технических наук, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии РАН 1999 года по экономике имени академика В.С.Немчинова, премии 2008 года Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П.Федоренко «За выдающийся вклад в развитие экономической науки России».

Награжден Президиумом Верховного Совета СССР медалью «За трудовую доблесть», серебряной медалью имени академика Н.Н.Моисеева.

Действительный член ряда зарубежных и отечественных научных ассоциаций и академий, автор 425 научных работ (в том числе 15 монографий) по экономике, транспорту, энергетике, математике. Участвовал в разработке и экспертизе около 50 проектов – главным образом, в области развития транспортных и энергетических комплексов страны, в том числе нефтегазовых.

Сегодня В.Н.Лившиц – заведующий лабораторией «Системный анализ оценки эффективности инвестиционных проектов и стратегий развития естественных монополий» ИСА РАН, лабораторией «Оценка эффективности инвестиционных проектов» ЦЭМИ РАН, специализации «Оценка эффективности и специализация инвестиционных проектов» ФИВТ МФТИ, профессор Международного Университета «Природа, Общество, Человек» в Дубне и Международного Университета в Москве.

Вениамин Наумович, Вы принимали участие в оценке многих крупнейших советских и российских проектов. Какие из них Вам наиболее памятны?

Среди советских вспоминаются, прежде всего, БАМ и поворот сибирских рек. Среди российских – проект строительства в 1990-е гг. высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва – Санкт-Петербург», энергетические проекты развития нефтегазовых комплексов Западной Сибири и Сахалина.

Однако моя основная специализация – транспортные проекты. То есть, фактически, 58 лет я занимаюсь экспертизой железнодорожных и автодорожных проектов.

Что касается БАМа, при Советском Союзе это был, в первую очередь, оборонный проект. Сегодня же БАМ нужен совершенно по другим причинам – для освоения Восточной Сибири и связи европейских районов страны с Дальним Востоком и Китаем. А

для этого его требуется сделать, как минимум, двухпутным.

Насчет поворота сибирских рек. Напомню, что основная цель этого масштабного проекта состояла в направлении части стока сибирских рек (Иртыша, Оби и других) в регионы страны, остро нуждающиеся в пресной воде. На Минводхоз СССР работали около 20 лет более 160 организаций, 32 союзных министерства и 9 министерств союзных республик! 50 томов текста, 10 альбомов карт и чертежей!

Большую роль в отмене этого неэффективного и, более того, вредного для страны проекта сыграла рядовой младший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН Людмила Зеликина. Фактически, она подняла на борьбу с этим проектом академическую общественность, прорвалась с оценкой неэффективности проекта в Госплан СССР. Расчеты совершенно точно свидетельствовали о том, что вода бы до Средней Азии не дошла, так как засушливые почвы на пути поглотили бы ее бесследно. То есть, решись мы на реализацию этого проекта, казна бы не досчиталась огромных денег. Основываясь на данных анализа проекта, экспертная комиссия во главе с академиком Станиславом Шаталиным дала по проекту отрицательное заключение, и 14 августа 1986 года на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС все работы по проекту было решено прекратить.

А какие негативные тенденции в оценке инвестиционных проектов вы наблюдаете сегодня?

Мне довольно редко приходится наблюдать верные оценки эффективности инвестиционных проектов. Это и понятно: чтобы просчитать всё верно, надо использовать верные методики, адаптированные к нашей экономике. Такие рекомендации существуют,

но их распространением надо заниматься, в то время как западные методики расчета эффективности гораздо более доступны. Люди берут их, считают по ним проекты – и в итоге получают неверные результаты. А все почему? Ведь западные методики предназначены для оценки проектов в условиях стационарной экономики, а у нас-то она – нестационарная.

Что значит — нестационарная?

Прежде всего, не такая предсказуемая, как на Западе. Это, конечно, надо уметь видеть, но главное и так лежит на поверхности и подтверждено цифрами Росстата, абсолютно открытой статистикой: у российской экономики иная динамика, инфляция, риски, кредитная политика, фискальная система. И рынки сами по себе другие, не западные.

Мы, например, рекордсмены по стоимости километра дорог. У нас он порой стоит, судя по некоторым транспортно-дорожным проектам, миллиард долларов. Только в России изначальная проектная смета может вырасти в несколько раз.

Вы считаете, что экономическая реальность на Западе радикально отличается от нашей?

Отчего же, у нас есть множество точек соприкосновения. Я был на Западе, и не один раз. Например, в 2007 году мы в составе делегации ОАО «РЖД» смотрели скоростные французские дороги. Порядка 600 километров – трасса «Париж-Лион». Я спросил – и что, эта дорога экономически эффективна? Французы ответили совершенно прямо, что нет. Я спрашиваю тогда: «Зачем вам эта дорога?». Они ответили вполне разумно, что выгоды политические, то есть, с точки зрения предвыборных кампаний, строительство скоростной трассы гарантирует голоса избирателей тому, кто инициирует ее строительство.

А когда в 1992-м году я участвовал в работе комиссии, оценившей проект скоростной трассы «Москва – Санкт-Петербург», я слышал всего два аргумента: «А чем мы хуже французов?» и «Какой же русский не любит быстрой езды?» ? но позвольте, так же нельзя!

Тот проект мало того, что угрожал разрушить экосистему Валдая, одного из красивейших озер России, но и был довольно поверхностно обоснован с экономической точки зрения. При среднемесячной тогдашней зарплате в 22 доллара билет должен был стоить порядка 50, а для окупаемости дороги предполагалось, что ездить по ней будут ежегодно многие миллионы людей!

Что же следует предпринимать для того, чтобы не вкладываться в заведомо неэффективные проекты?

Надо правильно оценивать проект. И оценку проекта делать согласно официальному документу – «Ме-

тических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов» — уникального издания, утвержденного в июне 1999 года всеми ведущими экономическими ведомствами страны, включая Министерство экономики, Министерство финансов и Госкомпром РФ.

Оценивая тот или иной проект, я выступаю за определенную триаду:

- во-первых, должен быть сам проект - это необходимо, но недостаточное условие;
- во-вторых, в нем должен быть раздел под названием «Оценка эффективности проекта» и это тоже необходимо, но недостаточное условие;
- и, наконец, в-третьих, этот самый раздел должен быть корректно обсчитан с точки зрения нестационарной российской экономики, применительно к которой и были разработаны вышеупомянутые методические рекомендации и итог расчета должен быть положительным, т.е. свидетельствовать о целесообразности реализации.

Только при соблюдении всех трех условий можно считать, что проект может быть реализован. Если хотя бы одно из них не выполняется, — никаких га

Допустим, проект просчитан и признан эффективным. Но как учесть все риски? И как сегодня следует прогнозировать судьбу инвестиционных вложений?

При оценке следует исходить из природы российской инфляции, имеющей во многом немонетарный характер. То есть, инфляция у нас неоднородная и многовалютная. Я ведь читал лекции там, на Западе, во Всемирном Банке, прекрасно знаю западные методики, которые они нам рекомендуют, но они сделаны с расчетом на однородную инфляцию, и поэтому применять их у нас просто нельзя.

У нас многое, как и на Западе, зависит от заявлений тех же политиков, например. То есть, надо закладывать в расчеты и это, а не просто количество денег, выпущенных страной. Разогнать цены может что угодно, и эти факторы тоже надо знать и учитывать. Государство должно инвестировать только в проекты выгодные, верно спрогнозированные с точки зрения эффективности и экономической целесообразности. Ведь за 1990-е гг. вложения в инвестиционную сферу сократились больше чем в четыре раза, в то время как промышленность и сельское хозяйство – всего в два.

Как вы считаете, уроки российских реформ не прошли даром?

Все факторы нестационарности российской экономики можно и нужно заложить в показатель эффективности «чистая приведенная стоимость» (NPV, net present value) – нужно, чтобы она была положительной в итоге – а при расчете NPV нужен системный анализ проекта, учитывающий все факторы, а не фанатическая убежденность, что «так надо».

Кстати, об инвестиционной политике. Какова она сегодня?

Наши инвесторы хотят сплошь и рядом быстрой прибыли. Но это же глупость! Жизненный цикл проектов в таких отраслях, как та же железнодорожная, нефтегазовая, может составлять 50 лет, а то и больше. Надо уметь подсчитывать NPV – чистый интегральный доход, а не руководствоваться простым показателем срока окупаемости инвестиций. К примеру, один проект окупается за 1 год и приносит чистый дисконтированный доход в 10 млн. рублей, а другой окупается за 5 лет, но приносит дисконтированный доход в 100 млн. рублей. Какой вариант выберете Вы? Понятно, что разумный человек выберет второй.

Но риски? Как учесть их на таком длительном временном промежутке?

А дело не в рисках. Даже с учетом нестационарности экономики справедлив немного измененный показатель эффективности «чистый дисконтированный доход», точнее, ожидаемый «чистый дисконтированный доход». Но, к сожалению, большинство наших компаний вообще не подсчитывают эффективность, им это якобы не нужно! А те, кто осмеливаются ее подсчитать, зачастую делают это неверно.

Вениамин Наумович, вы читаете лекции во мно-

гих высших учебных заведениях. Как вы отноитесь к современным тенденциям в высшем экономическом образовании?

Та же самая позиция: сегодня молодые сегодня хотят не учиться, а денег много и сразу. Это ситуация, перевернутая с ног на голову. Нормально хотеть сначала учиться, развиваться, а уж потом хотеть денег за свою работу. И внедренные Болонская система и ЕГЭ не способствуют развитию системы образования и, самое главное, самостоятельному развитию учеников и студентов, без этого мы не сможем получить новые отличные кадры для экономики и промышленности страны. При этом время на передачу знаний от ученых и преподавателей, подготовленных в советское время, к сожалению, неумолимо истекает.

Что бы вы могли пожелать российскому экономическому сообществу?

Я могу посоветовать: при реализации крупных проектов, приносящих неоспоримую пользу экономике, нужно использовать в проектных расчетах те методики, которые выработаны людьми, знающими нашу экономику не понаслышке, а не рекомендованы теми людьми, которые не знают нашей экономики и думают, что экономика универсальна. Экономическая ситуация не универсальна хотя бы потому, что каждая из экономик возникает не на пустом месте, а на определенной почве и в определенной культуре. А наша культура – полагаю, вы с этим спорить не будете – уникальна. Из этого и следует исходить.

Спасибо Вам за беседу.

Беседовали
Александр Ермаков и Сергей Арутюнов